

Юрий
Гагарин

Самая
высокая
минута

В середине XIX века один помещик, безвылазно живший в своем имении Воробьевка, написал странные стихи:

*Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.
Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис...*

Так за сто лет до первого полёта человека в космос русский поэт Афанасий Фет (имевший, кстати, стойкую репутацию «врага прогресса») написал о неведомых ощущениях космонавта со всей тонкостью и точностью. Даже о невесомости: «...над этой бездной я повис...»

Вспомним апрельские дни шестьдесят первого года: немислимый восторг, стихийные демонстрации на площадях и улицах, братание и ликование всеобщие!

Трудно точнее передать тогдашнее отношение людей к Гагарину, чем слова Фета: «...первый житель рая...» Эпоха была самая атеистическая, хрущёвские погромы церквей катились по стране, пропагандисты торжествовали «победу науки над религией». Но если бы полёт Гагарина был всего лишь победой науки, то откуда в тех днях столько слёз радости, столько счастья, умиления? Почему всем так хотелось скорее увидеть этого улыбчивого невысокого парня в лётной форме? Ведь не потому же, что он около часа крутился вокруг планеты в тесной капсуле? Нет, в полёте Юрия Гагарина народ чувствовал не только победу металла и правильных формул, а какой-то особый, невыразимый смысл. Для газет и митингов Гагарин был, конечно, первый космонавт Земли, но для сердца он был «...как первый житель рая...»

Встречи первых космонавтов в казахстанской и алтайской степи, а потом в больших и маленьких городах ломали все официальные регламенты и протоколы и неизбежно принимали форму стихийного праздника. Встречали не столько героев, отличившихся при выполнении специального задания, сколько своих, «родненьких», чудесным образом прикоснувшихся к тайне Божьего мира.

Так встречали и Титова, и Терешкову, и Николаева, и Быковского, и Леонова, и Беляева... Остались, наверное, километры киноплёнки об этих встречах. Там самое драгоценное – лица людей. Прекрасные, счастливые лица. Можно было бы сделать документальный фильм на основе этой хроники 60-х годов. Текста там, наверное, никакого не нужно. Пусть будет только музыка, может быть – стихи, но главное, чтобы мы успели взглянуть в лица. Милые, простодушные и ясные, каких теперь не встретишь на улице. Да и нет давно такого праздника, такого дня, чтобы волна дружелюбия, радости и братского тепла могла выплеснуться на улицы.

* * *

Среди моих детских игрушек был маленький космонавт – белый, круглоголовый, лёгкий, беспомощный. Я запускал его в бумажной ракете на книжный шкаф. Там была луна. Потом я карабкался по уступам полок наверх, рискуя обрушить на себя весь шкаф, шарил рукой в “лунной” пыли, находил космонавтика и бросал его на тахту, где у меня простиралась бескрайняя целинная степь.

Гибель Гагарина была первой катастрофой нашего детства. Помню, как плакала бабушка. По Красной площади на лафете везли урну. Я не мог понять, что такое урна и что там, на площади, происходит.

Со смертью Гагарина, Комарова, а потом Добровольского, Пацаева, Волкова завершилась эпоха счастливых встреч на земле – с митингами, цветами, музыкой и торжеством по всей стране. Помню, что вырезанные из газеты портреты Добровольского, Пацаева, Волкова я хранил почему-то под обложкой школьного дневника. Сейчас по проспекту Пацаева мои дети ходят в школу. И где-то над ними пролетает опустевшая орбитальная станция «Мир», к судьбе которой мы, в общем-то, равнодушны. Пусть падает, лишь бы нас не задавила... Кажется, никто больше не глядит на звёзды. Даже поэты, как я заметил, о небе, о звёздах сейчас пишут редко.

Когда, как это случилось с нами? Почему?.. Быть может, всё и началось с гибели Юрия Гагарина, с того, что мы не уберегли его?

Каждый год в апреле появляются десятки статей с претендующими на сенсацию заголовками: «Тайна гибели Гагарина...» О полёте Юрия Алексеевича, о нём самом сейчас почему-то пишут гораздо реже. О Гагарине уже всё написано, обо всём рассказано? Но когда выходили эти книги и фильмы? За это время выросли новые поколения. И наши дети родились на той же русской земле, где родился Гагарин. Почему же улыбку Гагарина теперь можно увидеть только на снимках в старых «Огоньках» или вдруг мелькнет она в какой-нибудь ретро-передаче по телевизору, как символ давно минувшего времени? Почему мы так быстро сдаём в архив всё, чем другие нации не устают гордиться десятилетиями и даже веками?

В опубликованных воспоминаниях о Гагарине мне всегда не хватало чего-то главного. В советские годы эти воспоминания казались чересчур благостными. Потом всё перевернулось, и мемуаристы стали рассуждать о совсем уж пустых вещах – о том, как Гагарин, якобы, с ними пил, как

тяготился славой и обижался, что его больше не посылают в космос. Какой ничтожной кажется эта «мемуаристика» рядом со светлым молчанием вдовы Юрия Алексеевича. Сколько в этом молчании достоинства, любви, верности, долготерпения! Как мы все должны быть ей благодарны за этот многолетний тихий подвиг...

Недавно в Подмоскowie ломали старую школу. Но до того, как приехали бульдозеры, я видел, как пожилая учительница прощалась со своей школой. «...А вот здесь, под лестницей, — рассказывала она мне, — мы жили с мамой. Она была завучем. У нас был единственный в школе телевизор, и когда передали сообщение, что Гагарин полетел в космос и вернулся на землю, к нам в комнатку сбежалась вся школа. Показывали, как Юра шёл по ковровой дорожке от самолёта, чтобы отдать рапорт, и вот мы видим, что у него шнурок развязался. Все в комнате затихли от ужаса — неужели наступит на этот дурацкий шнурок и упадёт на глазах у всего мира?! Когда он благополучно отдал рапорт, все грохнули: «Ура!!!» Сколько радости было...»

Этот день был особенно удивителен тем, что запомнился на всю жизнь очень многим людям. Запомнился такими деталями, о которых не писали газеты. Не потому, что в этих деталях было что-то запретное, а просто они составляли частную, никому не известную жизнь.

Психологи говорят: ничто так не скрепляет семью, как общие воспоминания. Быть может, это утверждение справедливо и для целого народа?..

Итак, представим, что на календаре 12 апреля 1961 года, просто среда. В 9.07 корабль «Восток» стартовал. Через двадцать три минуты помощники разбудили президента США Кеннеди (в Вашингтоне была ночь) и сообщили, что русские запустили человека в космос.

Наша страна ещё ни о чем не знает. Левитан зачитает сообщение ТАСС только через пятьдесят минут после старта. А пока — обычное апрельское утро. Где-то простуженная девочка болеет, скучает дома одна и очень ждёт папу. Почтальон с мешком почты едет под мокрым снегом. У колхозной конторы мужики получают наряды, шуряются на проглянувшее солнце, травят анекдоты. В школу идёт семиклассница Люся (через десять лет она назовёт своего сына Юрием в честь Гагарина). Журналисты районной газеты думают, какую заметку им поставить на первую полосу в завтрашний номер. Дети бегут по селу Дергоусово, мечтают о том, чтобы на обед дали пшеничный суп и мятую картошку с молоком...

Какие они счастливые всё-таки! Они ещё не знают, какой замечательный день ждёт их впереди.

«Мне тогда было всего 16 лет, училась я в с. Леуши Кондинского района в 8 классе. Жили мы в интернате, ведь по национальности я — манси. А русские ребята жили на Опорном, так называлось местечко близ п. Лиственичный. Там же располагался наш школьный колхоз «Юность». Мы

работали на поле своего колхоза, девчонки и мальчишки в фуфаячках – самая ходовая верхняя одежда того времени – на голове простенькие платочки, у ребят кепки.

По радио передали – человек в космосе. Юрий Алексеевич Гагарин! Гордости и восторга не было предела. Мы так были рады этому сообщению, что кидали вверх кепки и крепко обнимали друг друга. И ещё я помню, что в этот день на виду у всех меня обнял и впервые поцеловал в щёку юноша, которого я любила крепко-крепко. Любовь в то время запрещалась, преследовалась и наказывалась. Но Гена, так звали моего паренька, не испугался оговора, а сделал меня самой счастливой на земле.

А потом мы пошли в кино, и мне казалось, что мой любимый человек так похож на того, который вернулся из космоса. Ведь телевизоров у нас ещё не было, газеты задерживались надолго. Увидев портрет Юрия Алексеевича Гагарина, этакого улыбчивого красавца с доброй, симпатичной улыбкой, я не разочаровалась. Мне до сих пор кажется, что улыбка у моего парня была точно такой же, как у первого космонавта Советской страны...».

Джюльетта Морозова (п. Ягодный, Ханты-Мансийский округ)

«...День был пасмурным, лепил мокрый снег. Верхом на гнедке я вёз страховый мешок с почтой на аэродром, который находился близ райцентра Кошки. Меня встретил радист, выскочивший из распахнутой двери своей конторки. Он махал руками и кричал: «Иди быстрее!.. Передают... человек в космосе побывал!»

В тесной комнатке сквозь треск одряхлевшей рации мы услышали голос Левитана. Мороз по телу пробежал, сердце запрыгало, мы с радистом смотрели друг на друга, выкатив глаза... В космосе был наш ровесник. Мне шёл двадцать третий год, Гагарину – двадцать седьмой. Признаюсь: я тогда позавидовал.

Дома меня встретила моя милая, не знавшая ни одной буквы мама: «Ванюшка, сынок, Юрка-то Гагарин на тот свет слетал и вернулся...». Я обнял маму, поцеловал ее, и мы рассмеялись...»

И.Д.Сидоров (г. Нефтегорск, Самарская область)

«...Нам, учащимся восьмых классов поселка Большое Мурашкино, вручали комсомольские билеты. Мы стояли группками возле здания райкома и зубрили устав, волновались. И вот в это время кто-то сообщил нам, что по радио объявили о полёте Гагарина. Все волнения об уставе моментально улетучились. Когда меня вызвали, только спросили весело, какое событие свершилось сегодня... После получения комсомольских билетов мы побежали на почту отправлять телеграмму Юрию Гагарину. Стоя у окошка, составляли текст и считали деньги, у кого сколько было. Конечно, на первоначальный текст не хватило, и мы отправили довольно короткую телеграмму.

А какая была погода! День был настолько тёплый, что все ходили без пальто, а мы, девчонки, все были в школьных платьицах и в белых фартуках.

Когда я вернулась домой, меня ждала ещё одна радость – покупка шифоньера. Его уже привезли на лошади, и мы с мамой стали думать, куда бы его поставить. Места было много, ведь, кроме кровати, стола и пары стульев, ничего не было у нас.

В общем, к вечеру я не могла ещё успокоиться от всего, что произошло в этот день. Мне надо было что-то сделать необычное, чего я никогда не делала. И я придумала стихотворение «Товарищ Гагарин, ты слышишь нас?..» Это было моё первое и последнее стихотворение...»

Галина Ивановна Лисовская (г. Минск)

«...Я работал водителем городского автобуса, ездил по маршруту от вокзала до аэропорта. В кабине у меня был приёмник «Маяк», и вот на остановке «Судоремонтный завод» производю высадку и посадку. А в это самое время по радио сообщают: в космос запущена ракета с человеком на борту. Я сделал погромче, все пассажиры приняли к моей кабине и в форточку просили меня, чтобы до конца новостей я не трогался...»

Иван Сергеевич Мурнаев (г. Южно-Сахалинск)

«Первое сообщение о полёте я услышала в учительской средней школы № 51 г. Краснодара. В том далёком 1961 году я сидела в учительской, был свободный час («окно», как говорят учителя), тихо шелестела газетой. В одном старшем классе в это время был урок физики, лабораторная работа – составить схему приёмника. Все мудрят, копаются. А один шустрый Вася вдруг говорит: «Слышите? Говорит Москва». И тут же кричит: «Человек в космосе!» Учительница так снисходительно Васе: «Ну, будет тебе...» А он: «Правда!» И тут учительница, потеряв всякую величавость, быстро Васе: «Беги в учительскую, включи большой приёмник». Вася бегом...»

Эдда Сергеевна Бирина (г. Геленджик)

«...В Алма-Ате был тёплый, солнечный день. Мы с мамой дома. Я собираюсь в школу, занятия начинались во вторую смену. Около часа дня радио передало позывные. Мы замерли. Голос Левитана прочёл сообщение ТАСС. Мама разволновалась. Она сказала: «Наташа, это же прорыв! Мы ожидали такого лет через десять!» Соседи по квартире куда-то ушли, а так хотелось с кем-то поделиться! Я выглянула в окно. Во дворе стоял наш сосед, известный композитор. Он о чём-то беседовал со своим знакомым. Мама закричала в форточку: «Евгений Григорьевич! Наш человек в космосе!» Оба солидных мужчины крикнули «Ура!» и помахали в воздухе снятыми шляпами...»

Наталья Георгиевна Суслова (г. Орел)

«...В 14 часов я закончил школьный урок географии, закрыл кабинет и отправился домой. И вот слышу по радио: «Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!..» Чувствую – по телу пробежали

мурашки. О чем речь? ТАСС сообщает о возвращении человека из первого космического полёта!.. Мне пришлось в 1943 году освобождать Смоленщину от фашистских захватчиков, в том числе город Гжатск, ныне Гагарин. Знать бы тогда, что девятилетний Юра Гагарин станет космонавтом, – навестил бы парня... В тот же день в школе был митинг, а вечером перед киносеансом учителя рассказывали односельчанам о важном вкладе научного разума советских учёных...»

Николай Григорьевич Морозов
(село Суд-Николаевка, Подгоренский район, Воронежская область)

«...Мне десять лет. В очередной раз за эту весну лежу с больным горлом и температурой. Включился радиоприёмник: «Внимание! Внимание! Сегодня, 12 апреля 1961 года, в Советском Союзе осуществлён запуск космического корабля с человеком на борту! Им стал...»

Стрижом слетела с кровати! Прыгаю по комнате. В теле лёгкость необыкновенная: ангина пропала. Дома никого – мечусь от окна к дверям: хоть бы папка скорей пришёл на обед, а я ему... Махом проглотила кислотоватый морс и опять – к окну. К дверям: «Ну хоть бы он не знал! Ну хоть бы не знал! А я ему первая! Вот будет рад!..» Летаю по комнате. «Внимание! Внимание!» – опять говорит радио. Застыла. Прослушала снова... Когда отец зашёл в комнату, я бросилась ему навстречу, мешала раздеваться, теребила за рукав: «Ты ничего не слышал? Правда-правда? Ну точно ничего не знаешь? Радио не слушал? Вот здорово! Наш человек в космос полетел! Представляешь?! Летчик! Летчик-космонавт!..»

Отец то ли и правда не знал, то ли просто подыграл мне, но очень обрадовался! Смеялся вместе со мной...

Вечером пришли девчонки из класса и рассказали о том, что было в школе. Директор объявил новость на линейке, и вся линейка прыгала и кричала «Ура!». В нашей школе обнаружился свой Гагарин, Вовка. Девчонки бегали на него смотреть, влюблялись, замечали в его улыбке что-то гагаринское! Смешные девчонки...

А ровно через два месяца после этого дня отец внезапно умер. У него было большое сердце. И этот день тоже стоит в памяти, он был тихий и ясный...»

Т.В.Журавлёва (г. Дивногорск, Красноярский край)

«...В то время я служил офицером, лейтенантом, на дальней, самой северной точке ПВО острова Сахалин. 26 февраля 1961 г. я женился в г. Оха на Сахалине. И оставил молодую жену там же на третий день после свадьбы, так как квартиры на точке не было. И встретились только в начале апреля, когда я ушел в отпуск. Прилетели в Москву 10 апреля, устроились на несколько дней в гостиничных корпусах ВДНХ. Хотелось немного посмотреть столицу. Тогда только недавно открыли Кремль. Деталь: купил в Москве молодой жене кофточку за 3 руб. 58 коп.

На 12 апреля купили билет на вечерний поезд на Украину, чтобы ехать к моим родителям. Утром до завтрака жена пошла в парикмахерскую, а я

прилёг на диван, слушаю радио. И вдруг, примерно в 10 часов утра, передачи прерываются, пауза, и голос Левитана, который без внутренней дрожи слушать невозможно, извещает: «Внимание, внимание! Работают все радиостанции Советского Союза. Слушайте важное правительственное сообщение...»

Я вскочил с дивана, и первая мысль: «Война!..» А у меня только начался первый офицерский отпуск, настоящий медовый месяц спустя полтора месяца после свадьбы!..

Слушаю дальше, эти фразы знают все: «Впервые в мире... гражданин Советского Союза... майор Юрий Алексеевич Гагарин...» Первые секунды после сообщения я был в некотором шоке: «Хорошо, что не война!..» Я как во сне открываю окно в номере (было тёплое весеннее утро), кажется, на третьем этаже, и ору на улицу прохожим: «Наш лётчик-космонавт Юрий Гагарин летает в космосе!..»

Люди вначале недоуменно смотрят на меня, останавливаются, потом улыбаются, переспрашивают, кидаются в вестибюль гостиницы слушать радио. Слышу, в коридоре захлопали двери номеров, люди выскакивают. Смеются, обнимаются, кричат «ура!» и ещё что-то. Тут идёт моя жена, красивая, улыбающаяся. Мы обнялись. Она тоже подумала вначале, что война. (Будь она проклята, так засела в наши души с детских лет. Кстати, первый миг моего сознания, откуда я себя помню, — 22 июня 1941 года.)

Мы ещё сутки прожили-пробыли в Москве в приподнятом настроении. А 13 апреля после обеда ехали на такси на Киевский вокзал. Смотрим — наряжают дома, улицы Москвы кумачом, плакатами. Спрашиваю таксиста: «По какому случаю?» «А вы что, не знаете, что завтра Москва встречает Гагарина?..»

Алексей Харитонович Маляренко
(полковник-инженер в отставке, г. Минск)

«...На улицах ликовал Минск. Было состояние абсолютной радости. Когда позднее я пыталась соотнести силу тех ощущений с газетными и телевизионными клише, то приходила к выводу: тот всплеск эмоций не соответствовал объяснениям наших журналистов и политиков! Эти эмоции выходили за границы предлагаемых объяснений.

Восхищение технической мощью не могло вызвать всеобщий восторг, ведь «холодная война» была в полном разгаре, и научные достижения нагоняли уже больше страха, чем надежд на благо...

Чему же мы так доверчиво радовались? Юрий Гагарин первый увидел из космоса Землю и восхитился ею. И мы ему поверили. Сто восемь минут полёта Гагарина дали возможность увидеть и восхититься лучшим в себе. В тот незабываемый день мы были действительно людьми...»

Нелли Геворкян (г. Краснодар)

«...Отпросилась с работы на один день и поехала в Москву встречать первого космонавта. Посчастливилось быть на Красной площади в тот

прекрасный весенний день. Помню, когда мы присоединились к одной из колонн, кто-то недовольно проворчал – что, мол, чужие пристраиваются, но его тут же пристыдили: «Сегодня можно. Сегодня все свои!..»

Галина Савкина (учитель истории, г. Орел)

«...Мы с дядей укладывали дрова в сарае, вдруг открылись окна в нашем трёхэтажном доме и заговорили на всю громкость радиоприёмники. Человек в космосе! Все притихли, бросили свои дела и слушали...»

Гульнер Абдулловна Асадуллина (г. Казань)

«...Помню, было тепло и солнечно. Я – семиклассница 54-й средней школы Ленинграда. Когда мальчишки ворвались в класс с криком: «Наш космонавт в космосе!» – мы сначала не поверили, стали спрашивать, откуда узнали и кто полетел. А потом!.. Уроки были похожи на те, последние, перед летними каникулами. Никто не получал двоек, всем не терпелось скорее вырваться на улицу, увидеть лица знакомых и незнакомых. Все ли уже знают?! Знали все, и все улыбались. Смеялись, ловили каждое сообщение по радио и телевидению. А вечером, встретившись с ребятами, мы отправились к Неве, на стрелку Васильевского острова. Там толпилась молодежь. Студенты водрузили лозунги и плакаты: «Даёшь космос!», «Слава Гагарину!», «Ура! Мы первые!». Жгли факелы, пели песни, играла музыка, всё было в движении!..

Через десять лет у нас родился первый сын. Муж служил в Балтийске и в это время был в море. Он прислал телеграмму: «Назови как хочешь, но от гагаринской улыбки светлее было б на земле». Наверное, вместе с именем Юрий наш сын получил в наследство и улыбку, умение смеяться всем бедам назло, а ещё жажду узнать Землю. Нет, летать он не смог. Попал в аварию. Лишился ноги, стал инвалидом. Но... за год стал говорить по-английски, сам сделал радиостанцию, нашёл друзей в разных странах и теперь встречается с ними в эфире. А ещё полюбил цветы, вся квартира утопает в зелени. Он сам сажает и ухаживает за своими «маленькими». У него растёт дочь Инга. Жизнь продолжается!..»

Людмила Васильевна Скресь
(п. Василишки, Гродненская область, Беларусь)

«...В нашем 7 «В» шёл урок математики, когда внезапно открылась дверь в класс и кто-то крикнул: «В космосе – человек!..» Мы почему-то вскочили на парты и стали выглядывать в окна, видимо, думая, что можем на небе что-либо увидеть. День был ясный и тёплый. Вообще та весна для Сибири наступила рано, и мы, дети, ходили уже без пальто...»

Детство ушло. Мы выросли. В феврале шестьдесят восьмого мы с моим будущим мужем подали заявление в загс. Дата регистрации выпала на 30 марта. Кто мог знать, что это будет день траура? Мы жили в Москве, в Бирюлеве, и до загса Пролетарского района добирались на перекладных. На улицах – траурные флаги. Садовое кольцо перекрыто, люди плачут... Опоздали не мы одни, нас было семь пар, которые не очень-то

радовались личному счастью, когда не только Москва плакала – в горе была вся страна...

Зарегистрировали нас быстро, никто не пошёл в банкетный зал. При мне вот уже столько лет остаётся обручальное кольцо с гравировкой даты нашей свадьбы: 30 марта 1968 года. Это память и о Гагарине...»

Вера Павловна Воронкова (г. Тюмень)

«В апреле шестьдесят первого – мне тридцать лет, я сельская учительница. В школе – весёлое возбуждение. В календаре погоды, который вели дети, в графе «Особые приметы», записали: «Человек слетал в космос...»

Зоя Андреевна Ромашко (пос. Высокий Мыс, Тюменская область)

«...Мне было двенадцать лет. Сообщение о полёте Гагарина застало нас в школе. Солнечный день, в разгаре ручьи, снег повсюду таял. Нас повели в клуб, там по радио Ю.Левитан начал делать сообщение, я – в восторге. Для усиления звука к радио подключили какой-то двигатель. Помню, как мы обратно возвращались через дорогу в школу и мне казалось, что даже воздух, которым мы дышим, стал другим, космическим. Наша учительница Зинаида Дмитриевна Пронькина, только что приехавшая из Смоленска по распределению, говорила: «Давайте посмотрим в небо, может быть, увидим первого космонавта».

Мы и до сих пор с моей младшей дочерью Леной выходим вечерами с биноклем наблюдать межзвездное пространство. И когда она первой увидит летящую звёздочку, говорит мне с восторгом: «Папа, гляди, там спутник»...

Алексей Михайлович Юрченко (г. Стерлитамак)

«...Жили мы в посёлке Верх-Чемской Тогучинского района Новосибирской области. Школа от нас – в трёх километрах, в селе Дергоусово. Глухая деревня, люди в ней как дети – добрые и честные. Там мы жили в интернате дружно и весело. И я помню отчётливо, как мы бежали со школы в интернат где-то в двенадцать или в час дня. В интернате нас ждал обед – наваристый пшённый суп и картошка мягкая с молоком. Ещё было много снега, солнце светило так, что невозможно было смотреть на снег. Прибежав в интернат и усевшись за огромный стол, мы ждали обеда, но нас спешно позвали в школу. Сказали: экстренное сообщение. Собрали на линейку и объявили: наш советский человек на космическом корабле «Восток» облетел вокруг Земли. Ликованию не было предела! Все радовались, бросали вверх шапки и кричали, как грачи.

Когда наступил вечер, мы не могли дождаться темноты. А когда дождались, весь интернат, человек двести, высыпал на улицу, вглядываясь в чёрное небо. Звезды в эту ночь казались ближе, ярче и крупнее. И учиться мы как-то разом все вместе стали лучше. А потом всё лето пели песни про геологов, космос и про то, что на Марсе будут яблони цвести...»

Людмила Ивановна Бочарова (г. Новосибирск)

«...Мне было тогда всего шесть лет. День был тёплый и солнечный. И хоть на улице виднелась кое-где весенняя грязь, тропинки просохли, и я успел нагуляться с утра.

Дома радио у нас постоянно было включённым, а если кто-то болел, лишь уменьшали громкость. И вот радостный, торжественный голос диктора сообщил о полете человека в космос, назвал имя Юрия Гагарина. Родители стали бурно обсуждать услышанную новость. Я не мог до конца понять, чем вызвана их радость и почему их лица стали такими светлыми, но радость передалась и мне.

Мы все расположились около радио, слушали бесконечные сообщения... В окно увидели бегущую домой Олю, мою старшую сестру, ей было тогда двенадцать лет, а за ней – стайку подружек. Все они ворвались в дом, все пытаются говорить, а мы слышим только Олин голос, которая, захлебываясь, стала рассказывать... Радость ещё сильнее заполнила наш дом. Потом все мы вышли на улицу и, запрокинув головы, напряжённо вглядывались в бездонную небесную синеву, будто могли что-то там обнаружить. Помню, Оля мне объясняла, как это высоко, выше всех самолётов, и, кажется, тогда я впервые задумался о бесконечности мироздания...»

Сергей Васильевич Зеленский (с. Мандрово, Белгородская область)

«...Жаль, что таких дней немного в нашей жизни. Возможно, незамысловатость моего рассказа покажется слишком очевидной, но из маленьких штришков складывается картина мира.

12 апреля 1961 года. Мне четырнадцать лет. Я возвращаюсь из школы домой. Весна необычайно дружная, ранняя – по песчаной горке сбегают последние ручьи. Тепло, я без шапки, в распахнутом пальто.

Вдруг слышу: из громкоговорителя, установленного около сельского клуба, раздаётся торжественный дикторский голос... Это было счастье: весна, юность и ощущение причастности к великому событию. И ещё гордость, что это был наш советский человек! Наша страна! До распада нашей страны было ещё целых тридцать лет...»

Татьяна Головина (г. Новосибирск)

«12 апреля 1961 года я встретил в небольшом городке под Ригой. В этот день собрался в столицу, чтобы купить детскую коляску для дочки Мариночки, родившейся 2 апреля.

Можно представить моё состояние: радость, чувство отцовства, душа пела. Ведь Мариночка была первым ребёнком в семье.

Только надел шинель, как передают сообщения из Москвы. Голос Левитана звучит в ушах и по сей день.

Фотография Юрия Гагарина, первой попавшая на страницы газет, – для меня самая любимая. С 12 апреля 1961 года Юрий Гагарин в моём сердце. Я профессионально был горд за его полёт и подвиг.

Скажу по секрету, что в то время был очень похож на Юрия Гагарина. Когда появлялся в форме старшего лейтенанта на улицах Риги, то меня принимали за народного любимца. Сохранились фотографии!»

Геннадий Копылов (г. Воронеж)

Гагарин приземлился на левом берегу Волги, неподалёку от села Узморье. Весна была ранней, и в деревне многие уже сажали картошку. Жена лесника Анна Тимофеевна Тахтарова с шестилетней внучкой Ритой тоже пришли на свой огород, когда их заметил Гагарин.

Анна Тимофеевна испугалась его странного оранжевого комбинезона и, подхватив Риту, заторопилась к деревне. Ей вспомнилось, как год назад газеты сообщали об американском шпионе Пауэрсе.

– Мамаша, куда же вы бежите?! – закричал Гагарин, у которого не было сил её догонять. – Я свой!..

апрель 2001 года.